

© 2024. Е. А. Федорова, В. В. Любарец

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия

Тема отрочества в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: аксиологический подход А. А. Ухтомского

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-01302, <https://rscf.ru/project/23-28-01302/>*

Аннотация: В статье дается историография освещения темы отрочества у Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Аксиологический подход к творчеству обоих писателей известного ученого и мыслителя А. А. Ухтомского позволяет исследовать духовно-нравственную проблематику произведений. В повести «Детство» и романе «Братья Карамазовы» показаны типы гордых героев — это Николенька у Толстого, Илюша Снегирев у Достоевского. Оба персонажа переживают похожие состояния «затмения», когда «естественный» закон заглушается плотскими чувствами. Коля Красоткин, как и Николенька, увлекается рационализмом, что приводит обоих к духовному кризису. Выходом из него становится покаяние, сострадание и общение с «собеседниками», которые являются носителями христианского идеала.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, «Отрочество», «Братья Карамазовы», А. А. Ухтомский, принцип доминанты, «двойник», «собеседник».

Информация об авторах: Елена Алексеевна Федорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики коммуникации, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, д. 14, 150003 г. Ярославль, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7756-2499>

E-mail: sole11@yandex.ru

Виктория Викторовна Любарец, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, д. 14, 150003 г. Ярославль, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-0369-3282>

E-mail: trybatrepko2003@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 19.04.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 28.06.2024

Дата публикации статьи: 25.09.2024

Для цитирования: Федорова Е. А., Любарец В. В. Тема отрочества в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: аксиологический подход А. А. Ухтомского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 126–143. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-126-143>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 126–143. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 126–143. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Elena A. Fedorova

P. G. Demidov Yaroslavl State University Yaroslavl, Russia

© 2024. Victoria V. Liubarets

P. G. Demidov Yaroslavl State University Yaroslavl, Russia

The Theme of Adolescence in the Works of L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky: Axiological Approach of A. A. Ukhtomsky

Acknowledgments: This work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01302, <https://rscf.ru/project/23-28-01302/>

Abstract: The article provides a historiography of the coverage of the theme of adolescence in the works of L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky. An axiological approach to the works of both writers by the famous scientist and thinker A. A. Ukhtomsky allows us to explore the spiritual and moral issues of the works. The story “Childhood” and the novel “The Brothers Karamazov” show the types of proud characters — this is Tolstoy’s Nikolenka and Dostoevsky’s Ilyusha Snegirev. Due to their pride and the desire to please others, both characters experience a similar state of “eclipse,” when carnal feelings drown out the “natural” law. Kolya Krasotkin, like Nikolenka, is carried away by rationalism, which leads both characters to a spiritual crisis.

Keywords: L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, “Adolescence,” “The Brothers Karamazov,” A. A. Ukhtomsky, the principle of dominance, “double,” “interlocutor.”

Information about the authors: Elena A. Fedorova, DSc in Philology, Associate Professor, Professor, Department of Theory and Practice of Communication, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St., 14, 150003 Yaroslavl, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7756-2499>

E-mail: sole11@yandex.ru

Viktoria V. Liubarets, Department of Theory and Practice of Communication, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St., 14, 150003 Yaroslavl, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-0369-3282>

E-mail: trybatrepko2003@gmail.com

Received: April 19, 2024

Approved after reviewing: June 28, 2024

Published: September 25, 2024

For citation: Fedorova, E. A., and V. V. Liubarets. “The Theme of Adolescence in the Works of L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky: Axiological Approach of A. A. Ukhtomsky.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 126–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-126-143>

Проблема аксиологического подхода к исследованию темы отрочества в произведениях Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в современной науке недостаточно изучена. Попытку сопоставить антропологические взгляды писателей в свете их системы ценностей осуществили в разное время Я. С. Билинкис и А. А. Казаков. В процессе духовного роста Николеньки, считает Я. С. Билинкис, в период отрочества сыграла важнейшую роль не только дружба, но и общение с другими людьми (Натальей Савишной, Карлом Иванычем), «расширяющее человеческую душу». Толстой показывает, по существу, общение с Другим, поскольку в Другом открывается герою Толстого целый мир [Билинкис: 31–32]. Я. С. Билинкис противопоставляет сочинениям Толстого произведения Достоевского, который не стремился выразить «состояния своих героев через конкретность их жестов, поз, манеры общаться», обходится без конкретных подробностей внешнего облика [Билинкис: 16].

А. А. Казаков сопоставляет ценностную архитектонику произведений Толстого и Достоевского, опираясь на методологию М. М. Бахтина. Модель авторской активности Толстого, по его мнению, антидиалогична, в отличие от модели Достоевского, исследователь возводит ее к «Поэтике» Аристотеля, к философии Декарта: «У Толстого прибыльность авторского участия основывается не на полномочиях Другого, а на востребованности твоего Я в этом мире. Каждый с позиции Я соучаствует в наполнении мира смыслом, в прояснении жизни, в придании реальности бытийной напряженности, в сотворении мира» [Казаков: 142]. Автор, по мнению Казакова, берет на себя функцию прояснения реальности и участвует в сотворении мира, как будто от него зависит, будет небытие или бытие [Казаков: 142].

Более точной видится нам позиция А. П. Скафтымова, который в трилогии Толстого видел проблему поиска путей спасения личности. Исследовательские работы А. П. Скафтымова позволяют увидеть в романах, повестях Толстого и Достоевского иерархическую шкалу

телеологически направленных ценностей [Скафтымов: 134–137]. Это противоречит мнению А. А. Казакова о том, что ценностные смыслы рождаются у Толстого по мере погружения в жизнь.

Интерес к трилогии Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» в российской науке возрастает к 50–60-м гг. XX в. Исследователей интересует преимущественно тема формирования личности, но в рамках господствующей тогда идеологии почти все обращают внимание на роль среды и изображение сословных противоречий. Однако вопреки социологическому подходу, в это время происходит также интенсивное осмысление нравственной проблематики произведений Толстого. Например, И. В. Чуприна рассматривает детство и отрочество как два противоположных этапа развития человека: «Детство берется как положительная фаза, когда природное добро представляется Толстому в чертах “кроткого прития мира и любви к людям”»; отрочество представляет как бы отрицание предыдущего, когда под влиянием искажающих факторов происходит затмение глубиной доброй душевной сущности» [Чуприна: 13–14]. Одной из причин, искаживших детский верный взгляд на мир, исследователь считает «умствования» Николеньки, усвоение им «ложных нравственных понятий» [Чуприна: 15].

В. Г. Одинокоев поднимает проблему поиска героем Толстого нравственного идеала [Одинокоев: 3]. Если в «Детстве» общение с няней Натальей Савишной пробуждает в нем любовь к простому человеку, в котором он ценит «искренность, чистоту и силу чувства», то в «Отрочестве» образ Нехлюдова, несущий идею нравственного самоусовершенствования, по мнению Одинокоева, не так однозначен, как образ Натальи Савишны [Одинокоев: 6]. Исследователь обнаруживает в мыслях и поступках Нехлюдова ложь и жестокость [Одинокоев: 6]. Н. П. Лощинин выделяет в образе Натальи Николаевны черты характера Марии Николаевны Толстой, матери автора, которая оказала благотворное влияние на сына, обращает внимание на то, что мать Николеньки пробуждает в нем интерес к музыке [Лощинин: 16, 22]. Нехлюдова этот исследователь воспринимает как героя, открывающего Николеньке мир самоанализа и стремления к добродетели, к нравственному совершенствованию [Лощинин: 28].

Л. Я. Круглик обращает внимание на проблему семейного воспитания в трилогии Толстого и рассматривает формы и средства психологического анализа [Круглик: 7, 11]. Ведущую роль в раскрытии

внутреннего мира героя, по мнению исследователя, играют внутренние монологи, которые меняются в «Отрочестве»: постепенно они обогащаются социальным содержанием и затрагивают «важнейшие и наиболее важные вопросы человеческой жизни» [Круглик: 12]. Л. Я. Круглик в главе «Мечты» из повести «Отрочества» видит кульминацию лейтмотива трилогии, которая связана с темой нравственного обновления человека [Круглик: 13]. Символом обновления становится, по мнению исследователя, образ весны [Круглик: 15].

В 1970-е гг. исследователи отказываются от узких социологических представлений своих предшественников. Так, Я. С. Билинкис в книге о новаторстве Толстого утверждает, что «человек у Толстого больше, шире любых внешних воздействий, любых установленных определений <...> он сам *создает* свои отношения с миром» [Билинкис: 6]. Он обращает внимание на раздел «Именинник» «Дневника Писателя» Достоевского за 1877 г., в котором тот высоко оценил главу «Затмение» из повести «Отрочество» и увидел в ней «чрезвычайно серьезный психологический этюд над детской душой, удивительно написанный». Объединяют двух писателей, по мнению ученого, «вопросы о самой природе человека», размышления о бессмертии души как единения с вечностью и путями человечества [Билинкис: 6, 29]. Анализ черновых редакций повести, осуществленный Билинкисом, доказал, как тщательно Толстой работал над изображением «переходных состояний» человека, что его интересовали проблемы соотношения психического и физиологического, что он искал характерные для данной личности способы выражения чувств, «жизни души» [Билинкис: 10, 12–13].

В современной науке к теме отрочества обращаются такие исследователи, как А. Ф. Цирулев, Н. И. Городилова и др. А. Ф. Цирулев доказывает, что цель автора трилогии — «воспроизвести главнейшие ступени становления и развития всякой личности вообще» и показать движение героя от «счастья тщеславия» к «счастью добродетели» [Цирулев: 28]. Н. И. Городилова считает, что Толстой создает тип совестливого человека, склонного к рефлексии, и в трилогии происходит движение от «я» к миру [Городилова].

Тема отрочества в творчестве Ф. М. Достоевского рассматривается В. А. Михнюкевичем, Н. А. Азаренко, Т. Н. Созиной, А. В. Бабуком и др. Так, Т. Н. Созина исследует гуманистическое мышление Достоевского и выделяет категорию «трогательного», связанную, по ее мнению,

с сентиментальным пафосом, который она обнаруживает в диалогах Коли Красоткина и Илюши Снегирева, в беседах мальчиков с Алешей Карамазовым,двигающихся к согласию друг с другом: «Категория трогательного позволяет обнажить самые глубинные мысли, скрываемые в каждодневном общении людей, и показать, как в особую минуту откровения эти мысли могут на какое-то мгновение слиться в унисон» [Созина: 138].

В. А. Михнюкевич исследует христианское мировоззрение Достоевского и предлагает свою типологию детских образов героев Достоевского. Исследователь считает, что Коля Красоткин и Илюша Снегирев, герои книги «Мальчики» из романа «Братья Карамазовы», относятся к «гордым» персонажам [Михнюкевич: 23]. Изучая апокрифические «Евангелия детства», Михнюкевич обнаруживает черты Христа-отрока из «Евангелия Фомы» в обоих героях: это превосходство персонажей над окружением, строгость суждения [Михнюкевич: 25], утверждает, что дети у Достоевского осмысляются как предвестники «золотого века», двенадцать детей вокруг Алеши Карамазова в финале романа символизируют «будущую вселенскую Церковь» [Михнюкевич: 26]. А. В. Бабук останавливает внимание на «онтологизме страдания» в романе Достоевского [Бабук: 85].

В данной статье мы предлагаем проанализировать процесс духовных исканий героев-отроков Толстого и Достоевского с помощью этического учения Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942) — русского религиозного мыслителя и ученого. В своих исследованиях он обращался к творчеству названных классиков.

В Рыбинском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике хранится часть библиотеки А. А. Ухтомского с его заметками на полях книг. Ученый сформулировал принцип доминанты, к которому обращаются сейчас во всех гуманитарных дисциплинах. Доминанта — это устойчивая характеристика деятельности личности, главенствующие направления мысли и деятельности человека. Фазы формирования доминанты мыслитель показывает в своей статье о доминанте на примере Наташи Ростовской на балу: «Имя князя Андрея тотчас вызывает в Наташе ту, единственную среди прочих, доминанту, которая некогда создала для Наташи князя Андрея. Так определенное состояние центральной нервной системы вызывает для человека индивидуальный образ, а этот образ потом вызывает

прежнее состояние центральной нервной системы» [Ухтомский 1923: 41]. На полях этой статьи Ухтомский рассуждает о судьбе и Высшем суде: «Всякому напряженному стремлению, всякой доминанте дается добиться своего. Но это может быть и губительно для их носителя. И в этом – Суд, т. е. в самом высшем смысле Судьба человека. Переоценка под страхом смерти стремлений и доминант человека — вот совесть внутри человека и судьба вне его» [Ухтомский 1923: 41].

На полях своей настольной книги «Добротолюбие» Ухтомский делает заметки о «естественном» законе для человека. Исследователем подчеркнуто в поучениях Ефрема Сирина: «Апостол людей поступающих естественно назвал душевными, а поступающих противоестественно плотскими; духовные же суть те, которые и естество преобразуют в дух [Добротолюбие: 342]. Внизу Ухтомский делает заметку карандашом: «К анализу понятия “естественный”» [Добротолюбие: 342].

Ухтомский вслед за преп. Иоанном Лествичником считает, что «греха и страсти нет в природе человека». Напротив, слов о том, что «любовь и добродетель естественно присущи нашей природе» Ухтомский пишет: «“Естественный нравственный закон” (зачатки его еще у животных!)». А затем подчеркивает красными чернилами и отмечает знаком «NB»: «Но что касается до чистоты, безгневия, смиренномудрия, молитвы, бдения, поста и всегдашнего умиления, то сии добродетели выше естества. Некоторым из них научили нас люди своим примером; образцами других были для нас Ангелы; а иных учитель и дарователь есть Сам Бог Слово» [Добротолюбие: 506].

Можно утверждать, что на трех этапах становления личности раскрывается ее природа: в детстве в человеке преобладает «естественный» закон, в отрочестве проявляется плотская природа человека, а в юности, борясь со своими страстями, личность развивает в себе духовное начало.

Отрочество является для ребенка сложным периодом, в котором начинается формирование собственных взглядов и интересов. Подросток стремится обрести самостоятельность в своих суждениях, стать как можно более независимым в поступках. Зачастую это приводит к отчуждению от окружающего мира. В подобной ситуации оказываются Николенька Иртеньев в «Отрочестве» (1854) и Коля Красоткин в «Братьях Карамазовых» (1880). Однако обращение к «лицу другого» помогает им выйти из состояния конфликта с действительностью.

Начало поры отрочества у Николеньки связано с новым мироощущением. Во время переезда в Москву происходит его разговор с Катенькой, из которого он узнает о разнице в их положении и том, что им придется расстаться и жить порознь: «Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами...» [Толстой: 15]. Увидев, как страдает бабушка из-за смерти дочери, матери Николеньки, мальчик сопереживает ей: «...чувство подобострастного уважения и страха, которые я к ней [к бабушке] испытывал, заменились состраданием...» [Толстой: 16].

Однако вскоре Николенька ощущает, как между ним и членами его семейства начинает возникать «невидимая преграда». Николенька чувствует разницу между собой и старшим братом Володи — «по годам, наклонностям и способностям» [Толстой: 16]. Поскольку между героем и рассказчиком существует дистанция, то это объясняется рассказчиком уже с позиции времени «самолюбием» героя [Толстой: 16]. В главе «Старший брат» показано, как уязвленное самолюбие Николеньки доставляет ему душевные терзания: «Проходя мимо Володи, несмотря на то, что мне хотелось подойти и помириться с ним, я надулся и старался сделать сердитое лицо» [Толстой: 18]. Гордость мешает подростку попросить прощения у брата, хоть он и понимает, что поступил неправильно, разбив его фарфоровые и хрустальные украшения: «Глаза наши встретились, и я понял, что он понимает меня, и то, что я понимаю, что он понимает меня; но какое-то непреодолимое чувство заставило меня отвернуться» [Толстой: 18]. Только встречное движение брата, который просит у него прощения, заставляет Николеньку побороть себя и извиниться.

У подростка изменяется отношение к женщине настолько, что рассказчик даже отказывается описывать горничную Машу, поскольку уверен, что воспринимал ее образ в отрочестве искаженно из-за своего «воображения». Также рассказчик замечает, что герой безо всякого основания обвиняет Сонечку в измене: «Не знаю, на каком основании называл я ее мысленно *изменницею*, так как она никогда не давала мне обещания выбирать меня, а не Сережу; но я твердо был убежден, что она самым гнусным образом поступила со мною» [Толстой: 38].

Желание переступить запретную черту, привлечь к себе внимание окружающих девочек оказывается у Николеньки так сильно, что он

начинает совершать проступки один за другим. Рассказчик замечает по этому поводу, что он «находился в раздраженном состоянии человека, проигравшего более того, что у него есть в кармане, который боится счесть свою запись и продолжает ставить отчаянные карты уже без надежды отыграться, а только для того, чтобы не давать самому себе времени опомниться» [Толстой: 39].

Кульминацией нарастающего отчуждения героя становится его состояние, которое он описывает в главе «Затмение»: «Бывают минуты, когда будущее представляется человеку в столь мрачном свете, что он боится останавливать на нем свои умственные взоры, прекращает в себе совершенно деятельность ума и старается убедить себя, что будущего не будет и прошедшего не было. В такие минуты, когда мысль не обсуживает вперед каждого определения воли, а единственными пружинами жизни остаются плотские инстинкты, я понимаю, что ребенок, по неопытности, особенно склонный к такому состоянию, без малейшего колебания и страха, с улыбкой любопытства, раскладывает и раздувает огонь под собственным домом, в котором спят его братья, отец, мать, которых он нежно любит» [Толстой: 40–41]. Однако после падения в следующей главе «Мечты» автор показывает, как Николенька испытывает комплекс «Иова», в нем пробуждается религиозное чувство, он обращается с вопросом к Богу: «Я кажется не забывал молиться утром и вечером, так за что же я страдаю?» [Толстой: 43].

Конфликт с гувернером St.-Jérôme рассказчик объясняет тем, что Николенька испытал унижение. Рассказчик замечает во французском воспитателе «противоположные русскому характеру отличительные черты легкомысленного эгоизма, тщеславия, дерзости и невежественной самоуверенности» и видит цель наставника в самоутверждении. Именно этим объясняется то, что Николенька не мог обрести в этом герое «собеседника».

Рассудок, рефлексию, которая развивается в одиночестве, Толстой в повести называет «ничтожной пружиной моральной деятельности». Рассказчик показывает крайности исступления, до которых может пойти подросток, который увлекается философствованием: «Но ни одним из всех философских направлений я не увлекался так, как скептицизмом, который одно время довел меня до состояния близкого сумасшествия» [Толстой: 56].

Прежние авторитеты для мальчика теряют былую значимость. Так, например, меняется мнение героя об отце, когда он видит, как быстро отец от воспоминания о рано ушедшей из жизни жене переходит к флирту с горничной. Николенька погружается в свой внутренний мир, закрываясь от близких людей. В нем пробуждаются зависть, обида и гордость.

В повести Толстого «Отрочество» чувство гордости, задетого самолюбия и обиды сталкивается с доминантой мальчика, которая вызывает у него стыд и вину перед окружающими за свое поведение и поступки. Николенька стремится закрыться от близких людей: «По мере того как усиливается конфликт героя с миром, растет и разочарование в нем. Как следствие — остро переживаемое чувство одиночества, отчуждения от мира» [Городилова: 9]. На протяжении всей повести возникают различные ситуации, в которых подростку приходится бороться со своими «нечистыми, самолюбивыми помыслами»: зависть к успехам брата, ненависть к французскому гувернеру, снижение авторитета отца в глазах мальчика. Н. И. Городилова отмечает, что «во многом это состояние гнева, обиды, ненависти рождено равнодушным отношением взрослых к миру подростка: чувствительный и впечатлительный герой, не справляясь с эмоциями, не находит поддержки и слов сочувствия у близких, занятых собой и мало озабоченных его душевными переживаниями» [Городилова: 9].

Однако рассказчик показывает, что Николенька может сочувствовать другим людям и даже забывать о себе. Карл Иваныч рассказывает Николеньке свою историю перед тем, как они вынуждены расстаться из-за желания бабушки уволить его. Мальчик внимательно слушает, рассказчик передает историю Карла Ивановича со всеми особенностями его речи, смешением немецкого и русского языка. Карл Иваныч использует евангельские аллюзии, свои мытарства он соотносит с Господними страданиями: «мне, как сыну Божию, некуда преклонить свою голову» [Толстой: 25]. Также пробуждает сочувствие в душе мальчика любовь Маши и Василия. Николенька сочувствует Маше и пытается понять ее: «Долго я смотрел на Машу, которая, лежа на сундуке, утирала слезы своей косынкой, и, всячески стараясь изменить свой взгляд на Василья, я хотел найти ту точку зрения, с которой он мог казаться ей столь привлекательным» [Толстой: 54]. Николенька мечтает о том, чтобы, став хозяином имения, разрешить влюбленным быть вместе,

вопреки тому, что Маша нравится ему. Эта готовность пожертвовать своим чувством ради счастья другого, замечает рассказчик, «глубокий след оставила в моей душе» [Толстой: 54].

Подготовка к поступлению в университет заставляет главного героя «Отрочества» выйти из своего «подполья». В главе «Я» Николенька меняет отношение к гувернеру: «St.-Jérôme доволен мною, хвалит меня, и я не только не ненавижу его, но, когда он иногда говорит, что *с моими способностями, с моим умом* стыдно не сделать того-то и того-то, мне кажется даже, что я люблю его» [Толстой: 67]. Таким образом, мы можем говорить о «Двойнике» в лице St.-Jérôme — подросток ненавидел его, считая, что это чувство взаимно. Процесс превращения из «Двойника» в «Собеседника» относится и к брату главного героя. Если изначально Николенька думал, что Володя пытается всячески оскорбить его (эпизод с голландскими рубашками), то к концу повести их отношения становятся приятельскими.

Окончательно исцеляет Николеньку от «недостатков отрочества» дружба с Нехлюдовым. Движение к согласию с другими начинается с беседы «душа в душу»: «Души наши так хорошо были настроены на один лад, что малейшее прикосновение к какой-нибудь струне одного находило отголосок в другом» [Толстой: 71]. Нехлюдов предлагает Николеньке, ценя его искренность, быть всегда откровенными друг с другом, и это становится выходом из своеобразного «подполья» героя. Кроме того, рассказчик подчеркивает, что Нехлюдов устремляет героя к идеалу.

Подобное (по Толстому) духовное возрастание мы можем заметить и в отношении юных героев «Братьев Карамазовых». В книге «Мальчики» внимание Достоевского уделено двум героям — Коле Красоткину и Илюше Снегиреву. Оба они воспитывались одним родителем (второй рано ушел из жизни). В Коле автором и самим героем признается эгоцентризм и самолюбие: «Главное, был очень самолюбив. Даже свою маму сумел поставить к себе в отношения подчиненные, действуя на нее почти деспотически» [Достоевский 14: 463]. Алеше Карамазову он сообщает, что бьет мальчиков из своего окружения, а они его «обожают» [Достоевский 14: 479]. Смурову он заявляет, что никому не позволит анализировать свои поступки и идет к Илюше Снегиреву по своей воле в отличие от других мальчиков, которых, как он замечает, туда «притащил» Алеша Карамазов [Достоевский 14: 472]. Он признает-

ся Смурову, что не познакомился с Алешей Карамазовым, поскольку в иных случаях любит «быть гордым» [Достоевский 14: 473].

Авторский голос соединяется с голосом Коли, когда повествуется о его «подвиге»: одиннадцатилетний подросток поспорил со старшими мальчиками, что ляжет между рельсами и пролежит так до тех пор, пока поезд не проедет над ним. Вот как об этом говорится в тексте романа: «Главное, эти пятнадцатилетние слишком уж задирали пред ним нос и сперва даже не хотели считать его своим товарищем, как “маленького”, что было уже нестерпимо обидно» [Достоевский 14: 463]. В этом высказывании кавычками выделено чужое слово, в нем используется речевой жанр возражения, противоречия. По мнению А. В. Скиперских, такой отчаянный поступок Коли связан с его моральными страданиями: «Коля Красоткин из “Братьев Карамазовых” удостоверяет своих одноклассников в том, что способен лечь под проходящий поезд. Экспериментальный характер боли заключается в ее незначительности по сравнению с моралью, с ответственностью за данное обещание. Страдания собственного тела перманентны по сравнению с более длительными и фундаментальными душевными муками» [Скиперских: 170–171].

Однако, когда Коля видит, как тяжело мать переживает его шалость, то меняет свое отношение к происшедшему: «Он поклялся на коленях перед образом и поклялся памятью отца, как потребовала сама госпожа Красоткина, причем “мужественный” Коля сам расплакался, как шестилетний мальчик “от чувств”, и мать и сын во весь тот день бросались друг другу в объятия и плакали сотрясаясь» [Достоевский 14: 465].

Коля признает влияние на него Ракитина, называет себя социалистом, повторяет слова Ракитина, горделиво утверждает, что «любит поговорить с народом» и умеет с ним говорить, доказывает Смурову, что он любит «расшевелить дураков во всех слоях общества», когда шутит над глупым мужиком на базаре [Достоевский 14: 474]. Алеше Карамазову рассказывает, как надоумил глупого парня колесом телеги раздавить голову гуся [Достоевский 14: 496]. Авторская ирония заключается в том, что после торжества Коли над глупым мужиком, он беседует с умным крестьянином, и ему приходится признаться, что он потерпел фиаско, поскольку «нарвался на умника» [Достоевский 14: 477].

Перед встречей с Алешей Карамазовым Коля переживает, что мал ростом и что некрасив лицом. Внутренний монолог сменяется

авторским словом, в котором тот возражает своему герою: «Что же до лица, то было оно вовсе не “мерзкое”, напротив, довольно милостивое, бледное, беленькое, с веснушками. Серые, небольшие, но живые глазки смотрели смело и часто загорались чувством» [Достоевский 14: 478].

Алеше Карамазову Коля рассказывает историю своих отношений с Илюшей Снегиревым, в частности, сообщает, что, когда мальчики подружились, Илюша был «горд», но Коле «предан рабски» [Достоевский 14: 480]. Коля признается, что хотел «вышколить» мальчика, поэтому так резко обошелся с ним из-за его проделки с Жучкой, которой научил его Смердяков. Илюша, в свою очередь, переживает такое же состояние, в котором находится Николенька Толстого, «затмение»: бунтует, кричит, что будет всех собак кормить булавками, потом бросает камни в Алешу Карамазова, желая его брату, Дмитрию, отомстить за унижение отца, наконец, нападает с ножиком на Красоткина и ранит его в ногу. Все это приводит Илюшу к нервному срыву и горячке. Встреча с тяжело больным Илюшей раскрывает Коле его неправоту: «с горестным удивлением» он всматривался в изменившееся лицо больного мальчика [Достоевский 14: 488]. Неожиданное известие Коли о том, что Жучка жива, действовало «мучительно и убийственно» на больного мальчика, этого Коля не мог понимать, как замечает автор [Достоевский 14: 491].

Внутренние противоречия Коли ярко проявляются в эпизоде встречи с больным Илюшей Снегиревым. Коля из-за желания выдрессировать собаку и услышать похвалу долгое время не посещал больного мальчика. Несмотря на попытки удовлетворить свое самолюбие, Коля не может противиться состраданию, которое возникает при виде умирающего Илюши, способен покаяться и осознать свою вину: «Не говорите мне! Вы меня растреваете. А впрочем, мне поделом: я не приходил из самолюбия, из эгоистического самолюбия и подлого самовластия, от которого всю жизнь не могу избавиться, хотя всю жизнь ломаю себя. Я теперь это вижу, я во многом подлец, Карамазов» [Достоевский 14: 503]. Беседа Коли Красоткина с Алешей проходит так же, как разговор Николеньки с Нехлюдовым. Коля признается Алеше: «Потому что и Вы точно я» [Достоевский 14: 50].

Примечательно, что оба подростка предаются серьезным философским размышлениям, однако Красоткин не самостоятельно познает новые идеи: на него оказал отрицательное влияние Ракигин. Н. И. Горо-

дилова отмечает, что Толстой не признавал ум «как средство познания мира», «способствующее заглушению природного добра» [Городилова: 9]. Достоевский включает в беседу Алеша и Коли автобиографическую аллюзию: «И если хотите, я не против Христа. Это была вполне гуманная личность, и живи Он в наше время, Он бы прямо примкнул к революционерам и, может быть, играл бы видную роль»; «Это еще старик Белинский тоже, говорят, говорил...» [Достоевский 14: 500]. Алеша Карамазов, за которым угадывается автор, печалится о Коле, который слишком рано познакомился с атеистическими и социалистическими идеями: «Мне только грустно, что прелестная натура, как ваша, еще и не начавшая жить, уже извращена всем этим грубым вздором» [Достоевский 14: 504]. Так, углубленное познание мира с помощью рассудочного постижения истины в обоих произведениях ведет к негативным последствиям.

Достоевский показывает, как пагубное влияние взрослых на мир подростков разрушает детские души. Иван Карамазов, отказывающийся принимать Божий мир из-за страданий детей, убеждающий Алешу, что никакую будущую гармонию нельзя принять даже из-за одной слезинки ребенка, виновен в смерти Илюши, как и Дмитрий Карамазов. Смердяков следует за Иваном, как верный слуга, он принимает его идею, что «все дозволено», и он учит Илюшу «забаве»: дать собаке хлеб, в которую воткнута игла. Илюша только после своего поступка осознает весь его ужас и не может простить себе, как он думает, смерти собаки.

В романе Достоевского, как и в повести, средством выхода из состояния отчуждения становится дружба. Коля Красоткин находит собаку, которая чуть не погибла из-за проступка Илюши, он посещает больного друга, как и другие мальчики, и Илюша умирает в состоянии внутренней гармонии. Алексей Карамазов становится тем человеком, который обнаруживает внутренний конфликт Коли и помогает найти из него выход. Коля во всем признается новообретенному другу, который становится «собеседником». Внутренний конфликт разрешается. Подросток из-за переполняющих его чувств плачет, признается, что был не прав, однако уже несколько не боится показаться смешным. Алеша отмечает прекрасные чувства Коли: «...вы вот теперь не постыдились же признаться в дурном и даже смешном» [Достоевский 14: 504]. В эпизодической речи Коля говорит Алеше: «...я желал бы умереть за все человечество, а

что до позора, то все равно: да погибнут наши имена» [Достоевский 15: 190]. Эти слова Коли после похорон Илюши Алеша Карамазов повторяет у камня и назовет это желание принести себя в жертву ради других одним из лучших.

Важно отметить, что в рассматриваемых произведениях Толстого и Достоевского явно выражен телеологический сюжет, который включает в себя мотивы испытания, выбора, движения к спасению [Федорова: 107–124].

Слова, которые произносит отец Илюши («Аще забуду тебе, Иерусалиме» [Достоевский 14: 507] в контексте телеологического сюжета и эпиграфа к роману, следует понимать, как призыв не забывать о проявлении духовного начала в человеке.

Движение к спасению у Красоткина появляется в тот момент, как он проникается сочувствием к Илюше и осознает, что его попытки самоутвердиться негативно повлияли на здоровье больного друга. Коля избавляется от эгоизма и старается навещать Илюшу как можно чаще. Смерть мальчика становится ключевым моментом в жизни подростка. Эпизод с клятвой у камня в эпилоге романа свидетельствует о том, что Коля Красоткин направляет вектор своего духовного движения к спасению.

Николенька идет несколько иным путем, однако и он жаждет спасения души. Нехлюдов показывает подростку идеал добродетели, подразумевающий стремление человека постоянно совершенствоваться, а также искренне и с участием выслушивает его рассуждения, помогая исповедаться. Так Николенька вновь «возвращается» к людям и находит тот идеал, к которому начинает свое движение.

Таким образом, внутренний конфликт Николеньки в «Отрочестве» и Коли в «Братьях Карамазовых» одинаков по своей структуре. Рациональное познание мира, вызванное испытанием в виде погружения в философию, одиночество и эксперимент над собой мешает мальчикам обратиться к «жизни сердца». Желание понравиться другим или протест, бунт против окружающих приводит героев Толстого и Достоевского к состоянию «затмения», торжеству «плотского» человека. Выходом из этого состояния, фактором духовного возрастания личности становится внимание к другому человеку, сострадание, что и помогает подросткам справиться с гордостью и самолюбием.

Список литературы

Источники

Добротолубие в русском переводе, дополненное: в 5 т. 2-е изд. М.: Изданием Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря, 1895. Т. 2. 760 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1935. Т. 2 / под общей ред. В. Г. Черткова. 411 с.

Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2022. 512 с.

Ухтомский А. А. Доминанта, как рабочий принцип нервных центров // Русский физиологический журнал имени И. М. Сеченова. М.; Пг., 1923. Т. VI. (Вып. 1, 2, 3). С. 31–45.

Исследования

Бабук А. В. Художественная антропология детства в литературе XIX в. Минск: БГУ, 2018. 144 с.

Билинкис Я. С. Новаторство Л. Н. Толстого в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». Л.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1973. 40 с.

Городилова Н. И. Эпическая картина мира в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 9. С. 5–12. <http://doi.org/10.30853/filnauki.20209.1>

Казаков А. А. Ценностная архитектоника произведений Л. Н. Толстого: к проблеме «антидиалогической» феноменологии эстетического события // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 134–143.

Круглик Л. Я. Реализм трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961. 19 с.

Лоцинин Н. П. «Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Н. Толстого. Проблематика и художественные особенности. Тула: Тульское книжное изд-во, 1955. 48 с.

Михнюкевич В. А. Поэтика детских образов Ф. М. Достоевского в контексте «народного христианства» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 2. Филология. 1994. № 1. Т. 2. С. 21–28.

Одинокое В. Г. Трилогия Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953. 15 с.

Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 535 с.

Скиперских А. В. Между Господом и господином: дискурс боли в текстах Ф. М. Достоевского: политико-культурное измерение // PolitBook. 2015. № 4. С. 166–170.

Созина Т. Н. «Трогательное» как способ проявления авторского голоса в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 9. С. 134–138.

Цирулев А. Ф. «Поэтическая идея» в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. № 3. С. 27–32.

Чуприна И. В. Трилогия Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» в свете идейной и литературной жизни 40–50 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1952. 27 с.

Федорова Е. А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» и «Война и мир» // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 4. С. 102–129. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.13123>

References

Babuk, A. V. *Khudozhestvennaia antropologiiia detstva v literature XIX v.* [Artistic Anthropology of Childhood in the Literature of the 19th Century]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2018. 144 p. (In Russ.)

Bilinkis, Ia. S. *Novatorstvo L. N. Tolstogo v trilogii "Detstvo", "Otrochestvo", "Iunost"* [Innovation of L. N. Tolstoy in the Trilogy "Childhood," "Adolescence," "Youth"]. Leningrad, Herzen Russian State Pedagogical University Publ., 1973. 40 p. (In Russ.)

Gorodilova, N. I. "Epicheskaia kartina mira v trilogii L. N. Tolstogo 'Detstvo', 'Otrochestvo', 'Iunost'." ["The Epic Picture of the World in L. N. Tolstoy's Trilogy 'Childhood,' 'Adolescence,' 'Youth.'"] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9, 2020, pp. 5–12. <http://doi.org/10.30853/filnauki.20209.1> (In Russ.)

Kazakov, A. A. "Tsennostnaia arkhitektonika proizvedenii L. N. Tolstogo: k probleme 'antidialogicheskoi' fenomenologii esteticheskogo sobytiia" ["Value Architectonics of L. N. Tolstoy's Works: To the Problem of 'Anti-Dialogue' Phenomenology of an Aesthetic Event"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 4, 2014, pp. 134–143. (In Russ.)

Kruglik, L. Ia. *Realizm trilogii L. N. Tolstogo "Detstvo", "Otrochestvo", "Iunost"* [Realism of L. N. Tolstoy's Trilogy "Childhood," "Adolescence," "Youth": PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1961. 19 p. (In Russ.)

Loshchinin, N. P. "Detstvo", "Otrochestvo", "Iunost" L. N. Tolstogo. *Problematika i khudozhestvennye osobennosti* ["Childhood," "Adolescence," "Youth" by L. N. Tolstoy. Problems and Artistic Features]. Tula, Tul'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1955. 48 p. (In Russ.)

Mikhniukevich, V. L. "Poetika detskikh obrazov F. M. Dostoevskogo v kontekste 'narodnogo khristianstva'." ["Poetics of Children's Images of F. M. Dostoevsky in the Context of 'Folk Christianity.'"] *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2. Filologiiia*, vol. 2, no. 1, 1994, pp. 21–28. (In Russ.)

Odinokov, V. G. *Trilogiia L. N. Tolstogo "Detstvo", "Otrochestvo", "Iunost"* [Trilogy of L. N. Tolstoy "Childhood," "Adolescence," "Youth": PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1953. 15 p. (In Russ.)

Skaftymov, A. P. *Poetika khudozhestvennogo proizvedeniia* [Poetics of a Work of Art]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2007. 535 p. (In Russ.)

Skiperskikh, A. V. "Mezhd u Gospodom i gospodinom: diskurs boli v tekstakh F. M. Dostoevskogo: politiko-kul'turnoe izmerenie" ["Between God and Master: The Discourse of Pain in the Texts of F. M. Dostoevsky: Political and Cultural Dimension"]. *PolitBook*, no. 4, 2015, pp. 166–170. (In Russ.)

Sozina, T. N. “‘Trogetel’noe’ kak sposob proiavlennia avtorskogo golosa v romane ‘Brat’ia Karamazovy’ F. M. Dostoevskogo” [“‘Touching’ as a Way of Manifesting the Author’s Voice in the Novel ‘The Brothers Karamazov’ by F. M. Dostoevsky”]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9, 2008, pp. 134–138. (In Russ.)

Tsirulev, A. F. “‘Poeticheskaia ideia’ v trilogii L. N. Tolstogo ‘Detstvo’, ‘Otrochestvo’, ‘Iunost’.” [“‘Poetic Idea’ in L. N. Tolstoy’s Trilogy ‘Childhood’, ‘Adolescence’, ‘Youth’]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, no. 3, 2011, pp. 27–32. (In Russ.)

Chuprina, I. V. *Trilogiia L. N. Tolstogo “Detstvo”, “Otrochestvo”, “Iunost” v svete ideinoi i literaturnoi zhizni 40–50 godov* [Trilogy of L. N. Tolstoy “Childhood,” “Adolescence,” “Youth” in the Light of the Ideological and Literary Life of the 40–50s: PhD Thesis, Summary]. Saratov, 1952. 27 p. (In Russ.)

Fedorova, E. A. “Teleologicheskii siuzhet v romanakh ‘Kapitanskaia dochka’ i ‘Voina i mir’.” [“Teleological Plot in the Novels ‘The Captain’s Daughter’ and ‘War and Peace’.”] *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 4, 2023, pp. 102–129. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.13123> (In Russ.)